

— Да в любом случае, попасть в школу — это уже верх крутизны! — Сюй Тяньтянь, успешно прошедший испытание, буквально сиял от радости. — Надеюсь, нас возьмут в ученики внутреннего круга! Я слышал, им достаётся всё самое лучшее. У них и кости благородные, и понимание глубокое, школа видит в них свою опору и лелеет пуще прежнего. Им и сокровища земные, и пилюли редкие — всё в первую очередь! Да что там, у них даже комнаты отдельные!

— Ого, неужели у учеников внутреннего круга столько привилегий?

К им протиснулись Чжан Хупо — тот самый паренёк, что покупал у Сюй Тяньтяня подсказки на площади, — и его приятель Вэй Си.

— Ещё бы! — охотно подтвердил Сюй Тяньтянь. — А вот те, кто попадёт во внешний круг, чаще всего становятся простыми слугами. Пользы для самосовершенствования у них, конечно, куда меньше — всё-таки врождённый дар накладывает ограничения. Вот их и обучают всяким ремёслам да хозяйственным делам, чтобы хоть какой-то толк был.

— И что, неужели нет историй о том, как кто-то из внешнего круга совершил прорыв и утер всем нос, став гением совершенствования? — спросил Вэй Си. — Никому ведь не хочется всю жизнь в слугах ходить!

— Бывают, конечно, но это единичные случаи. Тут уж всё зависит от характера, упорства и скрытого таланта, который раскроется со временем, — веско подытожил Сюй Тяньтянь.

Вскоре всю толпу из нескольких сотен человек привели к Обители Чистого Бамбука. По соседству располагалась Обитель Горной Луны, а чуть дальше — Обитель Горного Ручья. Новоприбывших разделили на несколько групп и временно расселили по этим трём усадьбам. Полноценное распределение по жилым покоям должно было состояться лишь через несколько дней.

Пока толпа шумела и двигалась, Сюй Тяньтянь вдруг кое-что вспомнил и легонько потянул Не Гэнланя за рукав.

— Послушай, тебе ведь нельзя близко соприкасаться с мужчинами. Как же ты будешь спать на общих нарах? Может, мне поговорить со старшим братом Анем? Вдруг он сможет подыскать для тебя отдельный угол?

Не Гэнлань качнул головой:

— Не нужно утруждаться. Мне так или иначе придётся научиться справляться с этим.

Шедший впереди старший брат Шо, услышав этот тихий разговор, едва заметно повернул голову и искоса взглянул на Не Гэнланя.

Вскоре Сюй Тяньтяня и Не Гэнланя завели в Обитель Чистого Бамбука. В этой усадьбе было девять жилых покоев; увлечённые общим потоком, они зашли в самую восточную комнату.

Переступив порог, юноши увидели просторные общие нары, способные вместить больше двадцати человек.

— Ого, Обитель Чистого Бамбука снаружи кажется совсем небольшой, а в одну комнату умудрились втиснуть столько народу!

— Да ладно тебе, всё равно тут куда лучше, чем в моей деревенской развалюхе! Хе-хе, мне нравится!

Сюй Тяньтянь с самым серьёзным видом добавил:

— И уж точно лучше полуразрушенного храма, где мне приходилось ночевать, когда я побирался.

Затем он с воодушевлением обратился к Не Гэнланю:

— Даос Не, где ты хочешь устроиться? Давай выберем местечко получше, хе-хе.

Не Гэнлань указал рукой на дальний угол:

— Я лягу у стены...

Договорить он не успел. Раздался глухой стук — юноша без чувств рухнул на пол.

— Даос Не! — испуганно вскрикнул Сюй Тяньтянь.

Школа Духовных Звуков, Пик Нефритового Костного Мозга

Дракон, обвившийся вокруг величественной колонны, долго и пристально разглядывал сидевшего перед ним мужчину. Высунув раздвоенный язык, он наконец заговорил:

— За последние дни, пока шёл отбор учеников в школу, я знатно повеселился.

Почтенный мечом Цинхун сомкнул веки:

— М-м.

— И я не просто развлёкся, а встретил того, кто пришёлся мне по сердцу. Он мне очень нравится.

— По сердцу?

— Именно.

Почтенный мечом Цинхун слегка приоткрыл свои холодные, бесстрастные глаза, будто услышал нелепую шутку, но тут же снова закрыл их.

— М-м.

— Я намерен завоевать его расположение и забрать сюда, на Пик Нефритового Костного Мозга. Надеюсь, ты не против?

Цинхун вновь открыл глаза.

Встретившись с этим ледяным, пронизывающим до костей взглядом, дракон на мгновение ступевался, но тут же упрямо вскинул голову и с вызовом заявил:

— У меня ведь нет собственной обители! Раз уж я нашёл суженого, то, само собой, приведу его сюда, на твой пик!

Голос Цинхуна прозвучал негромко, будто донёлся издалека:

— В делах сердечных ценнее всего взаимность.

— Ха! Перед столь величественным и грозным драконом невозможно устоять. Стоит мне начать ухаживать, и его сердце непременно растает!

Дракон горделиво взмахнул хвостом и принялся покачивать головой из стороны в сторону:

— Ну так что, ты согласен или нет?

Цинхун слегка нахмурился и извлёк из горла тихий вздох:

— В прежние времена здесь уже селились прислуживающие ученики.

Дракон тут же радостно заизвивался всем телом, всюду колотя хвостом от восторга.

— Правда?! Я так и знал, что ты ко мне добрее всех!

Когда Не Гэнлань пришёл в себя, прошли уже целые сутки.

Сюй Тяньтянь тут же принёс ему чашку горячей еды и принялся сокрушённо причитать:

— Ну и досталось же тебе... Живого места нет, старые раны поверх новых! Если бы ты не лишился чувств, я бы и не вспомнил, как сильно ты изранен. Давай, поешь немного и отдыхай. Да, пока ты был без сознания, я напоил тебя целебным снадобьем. Не спросил дозволения, уж прости — надеюсь, ты не в обиде?

Не Гэнлань слабо покачал головой.

— Тогда... может, мне тебя покормить? Или сам сможешь ложку держать?

Юноша кивнул. Силы покинули его тело, он выглядел измождённым и хрупким.

Полунив молчаливое согласие, Сюй Тяньтянь помог другу приподняться и усадил его, облокотив на стену. Затем поднёс к его губам пиалу:

— Это особая похлёбка, сваренная из духовного зерна. Она очень полезна для восстановления сил и развития ци, так что ешь побольше.

Не Гэнлань послушно глотал тёплое варево, но оно казалось ему совершенно безвкусным, точно пресная вода.

— Что, совсем невкусно? — Сюй Тяньтянь воровато огляделся по сторонам. — Вообще-то, мы можем сделать её чуточку аппетитнее.

Он бесшумно извлёк из своего мешочка причудливый маленький флакончик.

В глазах Не Гэнлани отразилось недоумение.

Сюй Тяньтянь вытащил пробку и принялся усердно трясти флакон над пиалой, высыпая в похлёбку бурый порошок:

— Хе-хе, это молотый перец! Я выменял его у поваров на ту среднюю духовную яшму, что ты мне дал. А ну-ка, попробуй теперь!

Не Гэнлань сделал ещё один небольшой глоток. Вкус и впрямь изменился: пряная острота преобразила пресную кашу, и даже сиротливые кусочки тофу и древесных грибов теперь казались изысканным лакомством.

Осушив пиалу до дна, он почувствовал, как к телу возвращается тепло. Только теперь Не Гэнлань заметил странное: в радиусе нескольких шагов от них постели пустовали. Зато чуть поодаль нарах яблоку негде было упасть — там теснились остальные ученики, то и дело бросая в их сторону косые, любопытные взгляды.

Было очевидно, что никто из них не желает находиться рядом с изгоями.

— Не обращай внимания на этих чистоплюев, — вполголоса пробормотал Сюй Тяньтянь.

Он унёс пустую посуду, а когда вернулся, Не Гэнлань всё так же сидел в углу, низко опустив голову. В полумраке тускло горевшей свечи силуэт юноши ложился на неровную стену. Тень скрывала уродливый шрам на его лице, являя лишь безупречный профиль, чьи мягкие изгибы рождали странное, завораживающее ощущение изысканной, глубокой печали.

Сюй Тяньтянь тихонько подошёл ближе, расстелил одеяло на соседнем месте и легонько коснулся плеча друга:

— Не принимай близко к сердцу. Главное — оставаться верными себе и поступать по совести.

Не Гэнлань поднял на него глаза и едва заметно, кротко улыбнулся одними уголками губ.

Сердце Сюй Тяньтяня болезненно сжалось; он решительно не знал, какими ещё словами приободрить своего товарища.

В этот момент с противоположного конца комнаты донёсся приглушённый, ядовитый шёпот:

— Смех да и только... Маленький оборванец липнет к мальчику для утех. И не боится ведь заразу подцепить! Одно только соседство с ними душу воротит...

— Хм, но этот нищий продрых рядом с ним всю ночь, и вроде живой-здоровый. Может, и нам...

— Ну уж нет! Даже если он не заразный, где порука, что этот шлюх не полезет к тебе посреди ночи лапать? У меня, слава богам, нет тяги к мужеложству. Если бы этот тип до меня дотронулся, я бы с балки свесился от позора!

— Ха-ха-ха! Даос Юэ, ну у тебя и язык — не в бровь, а в глаз!

Сюй Тяньтянь рывком сбросил одеяло и вскочил на ноги, яростно уставившись на хохочущих парней:

— А ну заткнитесь! Языки чешутся?!

— Ой-ой-ой, поглядите-ка, нищий за своего кормильца заступается! Бойтся, что подачки прекратятся? — разразились они издевательским смехом. — Слышь, нищий, а тебе самому-то какво тратить духовные камни, которые этот подстилочный мальчик заработал, ублажая мужиков? Совесть не жмёт?

— Да уж, бог весть под скольких господ ему пришлось лечь, чтобы скопить на эти камни! Ещё в Городе Далёкого Журавля болтали, что они на рынке скупали пилюли да талисманы горстями — и этот шустрый малый всегда брал двойную долю, для себя и для своего нищего прихвостня!

Раздался грохот.

Сюй Тяньтянь не выдержал. Он с силой оттолкнулся от нар и спрыгнул на пол. Шум заставил замолчать даже тех, кто просто наблюдал со стороны.

— Твари неблагодарные! Я вам зубы повышибаю, мигом разучитесь языками чесать!

Сгорая от гнева, он уже приготовился ринуться в драку, но кто-то крепко ухватил его за подол одежды.

Обернувшись, он увидел Не Гэнланя.

— Не держи меня! — задыхаясь от ярости, крикнул Сюй Тяньтянь. — Не бойся, до смерти я этих ублюдков бить не стану!

Лицо Не Гэнланя потемнело от гнева, но он упрямо покачал головой:

— Если уж драться...

—...то вместе.

В детстве ему тоже пришлось нищенствовать, но тогда ради куска черствой лепешки он привык сносить любые побои и молчать. А стоило ему попасть в Зелёный приют, как воля его окончательно оказалась сломлена жестокостью хозяйки борделя и её надсмотрщиков. Он никогда в жизни не умел давать сдачи.

Сюй Тяньтянь опешил. Он-то думал, что Не Гэнлань станет его останавливать, а тот, преодолевая слабость и боль от свежих ран, вызвался биться плечом к плечу. Стало ясно, насколько глубоко ранили его чужие насмешки.

Пылающий в груди Сюй Тяньтяня гнев мгновенно утих, точно его окатили ледяной водой.

— Ладно, шут с ними, — вздохнул он.

Он вернулся к постели и мягко увлёк друга обратно:

— С дураками спорить — себя не уважать. Через три дня у нас церемония посвящения в ученики. Сначала дело сделаем, а там поглядим.

Не Гэнлань действительно хотел в этот раз дать волю чувствам — в конце концов, Сюй Тяньтянь страдал исключительно из-за него. Однако после искренних слов друга он тоже быстро опомнился и лишь смерил обидчиков тяжёлым, мрачным взглядом.

Чжан Тао издевательски фыркнул:

— Церемония посвящения? Раскатали губы! Только ученики внутреннего круга удостоиваются чести выбрать наставника. Не рановато ли вы заговорили о посвящении, а?! Ха-ха-ха!

Даос Юэ тут же подхватил:

— И то правда! Я слышал, у этого продажного хлыща духовный корень из четырёх ветвей состоит — мусор чистой воды! Ему светит разве что метлой во внешнем дворе махать. Ишь, о наставнике он замечтал... Курам на смех!

Стоявшие рядом ученики разразились гоготом:

— Ха-ха-ха! Ну умора! Мечтать не вредно, уроды!

Сюй Тяньтянь поправил одеяло Не Гэнлани и зашептал ему на ухо:

— Потерпи ещё немного, ладно? Продержимся эти несколько дней, а там разберёмся. Но если мочи нет терпеть — скажи, я готов прямо сейчас начистить им рыла до крови.

Не Гэнлань к этому моменту окончательно взял себя в руки.

Если бы дело касалось только его самого, он бы не раздумывал, но подставлять Сюй Тяньтяня под суровые кары Зала управителей он не имел права. Возможность ступить на путь

бессмертия далась им слишком дорогой ценой.

Юноши молча натянули одеяла до подбородка и улеглись на свои места.

Чуть позже Сюй Тяньтянь шёпотом объяснил, в чём дело. Оказывается, днём сюда заявлялся Чжоу Янь в сопровождении Ван Мяомяо и во всеуслышание раструбил о грязном прошлом Не Гэнланя в мире смертных.

После этого Чжан Тао и его прихвостни без умолку полоскали их имена в грязи до самого вечера.

Не Гэнлань не нашёл слов. В уголках его воспалённых глаз медленно проступила багровая сетка лопнувших сосудов.

Сюй Тяньтянь, испугавшись, что тот изведёт себя от гнева, ласково потянул край его одеяла:

— Не злись, прошу тебя. Представь, что это не люди, а просто кучка гнилых, вонючих репок на грядке, которые бессмысленно колыхнутся от ветра.

— Я потянул тебя за собой, — едва слышно вымолвил Не Гэнлань. — Моё позорное прошлое — правда. Но из-за меня теперь плюют и в твою сторону.

— Что за глупости ты несешь? — горячо возразил Сюй Тяньтянь. — Разве по своей воле люди становятся живыми игрушками для чужих утех? Или я сам выбрал долю бездомного поберушки? Запомни раз и навсегда: в нашей беде нет ни капли нашей вины.

К глазам Не Гэнланя подступили жгучие слёзы. Он повернул голову и замер, не отрывая взгляда от лица друга.

Сберегая покой Не Гэнланя, Сюй Тяньтянь расположился через одно спальное место от него, но в полумраке комнаты они всё равно казались совсем рядом.

Это означало лишь одно: Сюй Тяньтянь ни на миг не поверил гнусным наветам и не посчитал его «грязным» или «порочным», как это сделали остальные.

Сюй Тяньтянь тихонько шевельнул губами:

— Плюнь на их лай. Закрой глаза и постарайся уснуть. Тебе нужно лечить раны.

С этими словами он протянул Не Гэнланю два маленьких мягких комочка.

Тот недоумённо взглянул на его ладонь.

Там лежали два плотных комочка обычной чистой ваты.

<http://bllate.org/book/20023/1994745>